
Зигзаги
Судьбы.
Распад

евгений пронин

Зигзаги Судьбы. Распад

«Автор»
2026

пронин е.

Зигзаги Судьбы. Распад / е. пронин — «Автор», 2026

Эта книга посвящается им. Тем, кто принял присягу мертвой стране, но продолжил служить живой земле, на которой родились их дети. Службе заставы на краю пропасти. Комитету государственной безопасности Советского Союза, которого хватило ровно настолько, чтобы ядерное наследство не разлетелось по миру в багажниках подержанных иномарок. Продолжение серии Зигзаги судьбы. Страна рушится. А молодой оперативник КГБ продолжает свою службу по сохранению стратегического запаса.

© пронин е., 2026
© Автор, 2026

евгений пронин
Зигзаги Судьбы. Распад

Глава 1

Зигзаги судьбы.
Книга вторая. Распад
Глава первая. След из прошлого.

Папка с материалами дела «Металлисты» разбухла до толщины трехпальцевого бруса. Третьи сутки после ночного перехвата на станции Защита штабной кабинет жил в режиме непрерывной конвейерной сборки: накладные Михалыча со следами мазута и заводскими штампами строгой отчетности, пухлые кассовые книги кооператива «Импульс», протоколы допросов водителей Седого и Косого, исписанные мелким убористым почерком следователей, описи изъятого металла.

На стене, прижатый к деревянной рейке четырьмя канцелярскими кнопками, висел лист ватмана. Я расчертил его черной тушью, как принципиальную электрическую схему автоматической защиты, к которым привык за годы инженерной работы на комбинате.

Снизу-вверх, шли функциональные блоки. Низовое звено: уличные приемщики вроде Хакима, цеховые несуны, таксисты-челноки, Валет на весах у шламонакопителя, кладовщик закрытого склада Михалыч. Дальше, повышающий трансформатор: база «Вторчермета» на улице Красина, директор Тленшин, фальшивые накладные на бой магнезита, два большегрузных «КамАЗа» с наращёнными бортами. Сбоку, в виде шунтирующей цепи прикрытия, милицейский узел Ситникова: дежурка горотдела, посты ДПС на выездах, майор ОБХСС. Выше — распределитель: тупик номер семь, пульмановский вагон, перецепка на сортировочной горке в Челябинске и прямой выход на Таллинский морской порт.

Схема была согласована и герметична. Все стрелки вели снизу доверху без единого разрыва, за исключением самой верхней точки. Там, где контур должен был соединиться с главным рубильником, линия туши обрывалась в пустоту. Белое пятно ватмана, заклеенное обрезком чистой бумаги. Фамилия Долинского осталась запертой в бронированном сейфе генерала Тургумбаева, и приказом по Управлению вход туда был замурован наглухо.

Жуков стоял у сейфа, привалившись плечом к холодной металлической стенке. Пальто его висело на спинке стула, пиджак был расстегнут, а под воспаленными от бессонницы веками залегла сизая тень. Он держал в руках тонкую канцелярскую тетрадь и докладывал хриплым, прокуренным голосом, мерно, выбивая факты, как телетайпную дробь:

— По низам разработка закреплена полностью. Седой и Косой раскололись до самого донышка. Подтвердили ночные рейсы, маршрут от Красина до седьмого тупика, расценки за молчание. Валет в изоляторе дал развернутые показания по навеске и списанию спецпартий. Тленшин вину признает частично, валит всё на прибалтов, но подписи под накладными свои признал. Пульман с танталом с путей убран, загнан в тупик военного завода под двойной конвой комендантской роты. Военная приемка закончила перевеску: тридцать шесть коробов, заводская маркировка цела, вес нетто — девятьсот семьдесят восемь килограммов и четыреста граммов оборонного сырья. Ни грамма на сторону не ушло.

Я слушал Жукова, сверяя его слова с цифрами в раскрытых папках, и держал в уме то, что не вошло в его короткие тезисы.

— По финансовому блоку контур тоже закрыт, — добавил я, глядя на Зимина через стол. — Фигурант, который на пленках телефонного перехвата проходил как «Артист», оконча-

тельно идентифицирован. Это Лапшин. Тот самый плешивый бухгалтер из «Импульса», которого брали в конторе с цинковым ведром горящих бумаг.

Зимин поднял тяжелый взгляд от бумаг:

— Почему «Артист»?

— Работяги на базе так прозвали, — ответил я. — Лапшин любую липовую отчетность мог на коленке нарисовать за двадцать минут, как по нотам. Его дожали во втором отделе. Он выложил всю раскладку движения денег: безналичные переводы со счетов комбината списывались через фиктивные договоры подряда на ликвидацию последствий аварии в бериллиевом корпусе. Якобы кооператив вывозил зараженные металлоконструкции и строительный мусор на дальние шламоотвалы. Под этот мусор и оформлялся вывоз тантала. Деньги отмывали через сберкассы в Лениногорске и личные счета Реброва, обналичивали частями по пять и десять тысяч рублей. Счета арестованы, бухгалтерские книги изъяты. Ситников свою сетку в милиции тоже сдал без остатка: капитан Кривцов из дежурной части и лейтенант Баймагамбетов из ГАИ уже отстранены от дежурств, материалы по ним выделены в отдельное производство.

— То есть активная фаза всё? — спросил Жуков, с хрустом разминая затекшую шею. — Сеть накрыта, груз на складе, исполнители по камерам. Дальше — чистая процессуальная рутина. Допросы, очные ставки, экспертизы, передача в следственный отдел.

Подполковник Зимин сидел напротив нас, не шевелясь. Перед ним лежала итоговая оперативная справка — пять листов плотного машинописного текста через полтора интервала, где были подбиты все результаты трехнедельной разработки. Внизу белело пустое поле с типографской чертой: «Начальник отдела УКГБ подполковник Зимин А.В.». Рядом с бланком лежала его массивная авторучка с золоченым пером.

Я ждал, что он снимет колпачок, размашисто поставит подпись, захлопнет картонную обложку и отправит нас по домам — впервые за четверо суток поспать не на казенных стульях.

Зимин перевернул последнюю страницу, пробежал глазами резолютивную часть. Но ручку не взял.

Его пальцы, сухие, с пожелтевшими от никотина подушечками, медленно легли на край стола. Лицо подполковника казалось вытесанным из серого песчаника — ни раздражения, ни торжества, только та глухая, въевшаяся в поры усталость, от которой не спасают ни крепкий чай, ни валидол.

— Складно начертил, Громов, — негромко произнес он, кивнув на ватман. — Четко. Как на защите диплома в политехе. Все проводки сошлись, сопротивление в цепи нулевое, лампочка загорелась.

Он помолчал, разглядывая пустую графу подписи, и покачал головой:

— Только подписывать закрытие дела я не буду.

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно, как в чугунной батарее под подоконником глухо булькает остывающая вода.

— Это почему еще? — Жуков даже опешил, сделав шаг от сейфа к столу. — Все фигуранты в камере. Накладные на руках, металл изъят, признания записаны под протокол. Что тут еще крутить? Следственный отдел уже копытом бьет, требует передавать материалы, пока городская прокуратура палки в колеса не вставила.

Зимин медленно поднял глаза на капитана:

— А потому, Виталий Леонидович, что «Металлисты» — это всего лишь одна нитка. Один рукав из целой реки. Вы уткнулись носом в базу Махсуда, вцепились в этот несчастный пульман на Защите и думаете, что спасли оборонку области?

Он пододвинул к себе лежавшую с краю тонкую серую папку без грифов, раскрыл ее и бросил поверх чистовой справки несколько тонких машинописных листков на дешевой бумаге.

— Сводки за последние двое суток, — отчеканил Зимин. — Читайте, если глаза не ослепли. В Лениногорске с обогатительной фабрики полиметаллического комбината за неделю

вывезено сорок тонн свинцового концентрата. Списано как технологический брак. В титано-магниевом на третьем переделе пропало два контейнера с губчатым титаном высокой чистоты — охрана на проходной даже журнал не открывала, ворота распахнули по звонку из горисполкома. На заводах оборудование режут на цветмет, под видом модернизации производства. Складируют прямо в частном секторе за Ульбой, а по ночам фурами тащат на Рубцовск и Барнаул.

Подполковник тяжело опёрся локтями о стол, наклонившись к нам:

— Пока мы сидели в засадах, пасли водителей Седого с Косым и трясли торгаша Тленшина, мимо нас составами вывозили цветной лом, редкие металлы и стратегические сплавы. Всё, что годами копилось на складах мобилизационного резерва, сейчас растаскивают по сараям и кооперативным гаражам. Страна рассыпается, законы не действуют, милиция куплена с потрохами. Если мы сейчас закроем производство и уйдем писать отчеты для алматинского архива — через месяц на заводах останутся одни голые стены.

Жуков скривился, словно от резкой зубной боли. Он бросил свою тетрадь на край стола, и она шлепнулась о полированное дерево с сухим, злым звуком:

— Побойтесь бога! Оперативники трое суток на ногах! Люди в дежурке на шинелях спят по два часа, жрут холодную тушенку прямо из банок! Мы вывернули эту сеть наизнанку, взяли начальника криминальной милиции города! Дело надо шить, процессуально закреплять, тащить в суд! Если мы сейчас бросим следствие и побежим по новым адресам — прокурорские адвокаты через неделю выпустят Махсуда под подписку, Лапшин откажется от показаний, заявит, что мы из него признания под дулом пистолета выбивали! Вы хотите дело развалить ради новых показателей?!

Зимин слушал капитана не перебивая, не меняя позы. Взгляд его оставался холодным, давящим, как гранитная плита.

Я стоял рядом, чувствуя, как внутри нарастает тяжелое, сухое раздражение. Техническая логика происходящего требовала честности, а не красивых лозунгов о спасении социалистической собственности.

— Жуков прав, товарищ подполковник, — сказал я, и мой голос прозвучал подчеркнуто ровно, словно отчет по приборам. — Людей на две разработки у нас нет. Но дело даже не в людях и не в усталости.

Зимин перевел взгляд на меня:

— В чем же, старший лейтенант?

Я повернулся и указал пальцем на ватман за спиной — прямо на белое пятно над Таллиннским портом:

— Дело в потолке. Мы собрали схему снизу доверху. Выбили низы, сняли прокладку из кооператоров, зажали милицейское прикрытие. А на самом верху — стена. Бетонная. Имя человека, который подписал финский контракт и открыл границу, заперто в сейфе генерала под тремя замками. Нам прямо приказали: наверх не лезть, фамилию Долинского забыть, сделать вид, что эшелон уходил в никуда.

Я шагнул ближе к столу, глядя подполковнику прямо в глаза:

— Если мы сейчас пойдем по новым базам, в Лениногорск или на титано-магниевый... что мы там найдем? Таких же скупщиков в телогрейках? Таких же перепуганных кладовщиков вроде Михалыча? Ну, снимем еще десять тонн свинца или меди. Дойдем до расчетных счетов кооперативов. А дальше? Дальше мы снова упремся в очередного замминистра, члена правительства или секретаря ЦК, который переводит оборонные резервы в иностранные банки под вывеской совместных предприятий. И генерал снова снимет трубку ВЧ, поговорит с Алма-Атой и запретит трогать верхнее звено. Зачем строить новые схемы, если верхняя клемма в них всегда будет отрезана? Чтобы в очередной раз сажать пешек, пока хозяева делят валюту?

В комнате снова стало тихо. На этот раз тишина была острой, натянутой до предела. Жуков замер, глядя на меня с кривой, горькой усмешкой — он думал точно так же, но как кадровый служака не решался сформулировать это вслух перед начальником отдела.

Зимин медленно выпрямился. Его широкие плечи расправились, форменный китель натянулся на груди. Ни тени смущения, ни раздражения на слова подчиненного на его лице не проступило. Он слишком давно служил в этой системе, чтобы обижаться на очевидную правду.

— Складно рассуждаешь, инженер, — произнес подполковник тихо, но каждое слово падало весомо и жестко. — Логично. Только логика твоя — пораженческая.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну и встал спиной к нам, заложив руки за спину. За стеклом серый ноябрьский день окончательно уступал место мутным сумеркам; городские фонари зажигались через один, а над трубами свинцового завода висел бурый, удушливый смог.

— Думать за генералов, за председателя Комитета и за правительство республики тебе по штатному расписанию не положено, старший лейтенант Громов, — не оборачиваясь, заговорил Зимин. — Мое дело, ставить боевую задачу. Ваше, выполнять ее в границах предоставленных полномочий. Если Долинский пока сидит в правительстве, это вопрос большой политики и того бардака, который творится наверху. А наш рубеж здесь. На земле.

Он резко повернулся к нам, окинув обоих тяжелым, непреклонным взглядом:

— Если мы с вами бросим этот забор, потому что наверху воруют... если решим, что раз генералы закрывают глаза на министров, то и нам можно пойти по домам спать... города не будет. Заводов не будет. Склады разнесут по кирпичам за полгода, а уран и тантал начнут продавать на городском базаре в банках из-под майонеза. Мы здесь не советскую власть спасаем, товарищи офицеры. И не правительство в Алма-Ате. Мы держим последнюю границу между порядком и полной уголовщиной. И держать ее будем столько, на сколько хватит сил.

Зимин вернулся к столу. Движением скупым и точным он взял авторучку, подтянул к себе чистый служебный бланк и размашисто, без колебаний написал в шапке: «Постановление о формировании постоянной оперативно-следственной группы по противодействию незаконному обороту стратегических материалов и цветных металлов».

Перо скрипнуло по бумаге, выводя дату и подпись. Густые синие чернила легли четко, припечатывая решение.

Затем подполковник открыл нижний ящик своего стола, достал оттуда тонкий машинописный лист, отпечатанный на синей копирке, и положил его поверх моих папок.

— Вот список, Громов. Первая обойма.

Я опустил глаза на текст.

Шесть адресов. Гаражно-строительный кооператив «Восток-4» на окраине поселка Красина — нелегальный цех переплавки медного кабеля. Складская площадка арматурного завода в промзоне — перевалка неликвидов под видом лома черных металлов. Станция Усть-Каменогорск — два тупиковых пути, где отстаиваются цистерны с техническими растворами редких металлов. Кооператив «Ритм» при комбинате... Фамилии директоров, клички скупщиков, номера дежурных машин.

— Дело «Металлисты» передать в следственный отдел к завтрашнему утру, — приказал Зимин, глядя на нас в упор. — Оставить Жукову двух следователей на дооформление протоколов. Остальной состав группы с восьми ноль-ноль переходит на отработку объектов по списку. Громов — старший по оперативной проверке железнодорожных подъездов. Вопросы есть?

— Никаких вопросов, товарищ подполковник, — хрипло ответил Жуков. Голос его звучал глухо, но бунт угас. Старая военная дисциплина взяла свое: приказ был отдан, границы расставлены, спорить больше не имело смысла.

— Выполняйте, — отрезал Зимин.

Я взял со стола лист с синей копиркой. Бумага была шершавой, пахла пылью пишущей машинки.

Я посмотрел на ватман на стене. На вычерченную тушью схему, где каждый винтик механизма занял свое расчетное место, где каждый провод был зачищен, а каждая цепь замкнута. Я потратил на нее месяц жизни, выбивал накладные у пуганого Михалыча, мерз в засадах у шламонакопителя, давал слово Ситникову в холодной машине. Мне казалось — еще одно усилие, последний щелчок тумблера, и машина остановится, контур погаснет, а мы сможем выдохнуть и подвести черту.

Но никакой черты не было.

Я сжал в пальцах тонкий лист с новыми адресами складов, переездов и воровских притонов. То, что мы только что сделали — задержали эшелон, арестовали три десятка человек и уложили в папки сотни протоколов, — было не финалом операции. Это была всего лишь первая строчка в бесконечной описи гибнущего государственного имущества.

За окном окончательно стемнело. Из заводских труб в морозную мглу снова повалил тяжелый белесый дым, накрывая город ядовитым саваном, а мы оставались внутри этого периметра — офицеры исчезающей страны, приговоренные охранять ее мерзлые склады до самого конца.

Кассовая книга кооператива «Импульс» не сходилась на шестьдесят четыре тысячи рублей.

Я сидел один за приставным столом, положив слева стопку банковских мемориальных ордеров, а справа — копии железнодорожных накладных со штампами станции Защита. Зеленый жестяной плафон лампы отбрасывал на бумагу узкий круг света, за пределами которого кабинет тонул в холодной полутьме. Чугунная батарея под окном давно замолчала: котельная снова сбросила давление пара, и от подоконника тянуло сырым, промозглым сквозняком.

Инженерная привычка не терпела приблизительности. В любой замкнутой системе баланс на входе обязан равняться балансу на выходе. Если где-то пробивало изоляцию, стрелка амперметра дергалась. В гроссбухах бухгалтера Лапшина такой стрелкой стали три платежных поручения от шестнадцатого октября. Они ушли в Госбанк по статье «оплата проектно-сметной документации по рекультивации гидроотвалов», но в графике движения машин эта дата висела пустотой. Ни один «КамАЗ» в тот вторник к весовой не подходил, Валет в табеле расписался за простой оборудования, а на седьмой тупик не подали ни одного порожнего полувагона. Металла под эти деньги не существовало.

Дверь кабинета скрипнула, и в комнату, тяжело шаркая стоптанными ботинками, вошел капитан Жуков. Пальто его было расстегнуто, воротник пиджака смят, а под воспаленными, налитыми кровью веками залегла серая тень. Он бросил на угол стола помятую пачку «Беломора» и оперся кулаками о столешницу.

— Завязывай, Алексей, — хрипло, с нажимом сказал капитан. — Бросай счеты. Следственная бригада из областной прокуратуры уже в дежурке сидит, протоколы выемки требует. Людей шатает от усталости. Зимин приказал к утру сдать все четыре тома в канцелярию следственного отдела. Каждая минута на счету, а ты тут запятые выискиваешь.

— Не сходятся концы, Виталий Леонидович, — я не поднял взгляда от страницы, прижимая линейку к столбцу цифр. — Вот итоговый баланс Лапшина по списанию магнезита. Вот наличные расчеты Реброва. Все тридцать шесть ящиков тантала закрыты до копейки еще в первой декаде месяца. А шестнадцатого числа со счета кооператива уходит шестьдесят четыре тысячи. Кому? За что?

Жуков раздраженно дернул плечом:

— Да какая разница? Лапшин крутил обналичку через пять разных контор. Мало ли за что они переводили: за солярку, за запчасти для автобазы, за водку для грузчиков на перевалке.

Следствие само разберется, это их хлеб. Наше дело было вагон перехватить и сеть прикрыть. Мы задачу выполнили. Складывай папки.

— На водку по безналу шестьдесят тысяч не списывают, — я перевернул желтый лист расчетной ведомости и указал карандашом на нижнюю строку. — Смотри сюда. Назначение платежа: «Возврат средств по договору номер сорок восемь». Но сорок восьмой договор у них проходил по поставке щебня для ремонта заводской плотины. Щебень они закрыли взаимозачетом еще в августе. А эти деньги ушли напрямую на целевой спецсчет в Лениногорском отделении Промстройбанка. Ни к одной партии тантала, меди или свинца этот платеж не привязан. Это отдельная ветка. Чистая наличность, выведенная из оборота в обход Махсуда.

Капитан нахмурился. Он медленно наклонился к столу, щурясь от яркого света лампы, и провел широким, заскорузлым пальцем по строке с проводкой. Его лицо, еще минуту назад казавшееся маской тупого утомления, подобралось, взгляд старого сыщика стал цепким и недобрым.

— Черт побери... — глухо уронил Жуков. — Действительно мимо кассы. Тленшин про этот счет на допросе ни звука не выдал. Значит, бухгалтер мимо директора бабки крутил.

Он помолчал, тяжело дыша мне в затылок, затем хлопнул ладонью по столу:

— Ладно, инженер. Твоя взяла, копаться стоило. Только не засиживайся до вторых петухов. Дожимай выписку и дуй домой, пока трамваи окончательно не встали. Утром Зимин сам решит, приобщать этот хвост к делу или отдать в городскую прокуратуру по линии ОБХСС.

Капитан повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дерматиновую дверь.

Я снова остался один в кабинете. Тишина накатила с удвоенной силой, разбавленная лишь мерным гулом высоковольтной подстанции за окном.

Я подтянул к себе корешки платежных поручений, приколотые канцелярской скрепкой к оборотной стороне банковской карточки. На третьем листе, под синим прямоугольным штампом лениногорского филиала, стояла подпись получателя наличных средств по чеку серии АВ. И рядом, убористым почерком операционистки, была выведена фамилия лица, предъявившего паспорт для получения денег.

Воропаев И. С.

Я замер, держа палец на шершавой бумаге. Память инженера сработала мгновенно, перебирая в памяти сотни карточек оперативного учета, протоколов допросов и сводок наружного наблюдения, которые прошли через мои руки за этот месяц.

Фамилии Воропаева в деле не было.

Она не звучала на бобинах прослушки, где металлы шифровали женскими именами. Ее не называл перепуганный скупщик Хаким в гаражном ангаре. Ее не было в расписках кладовщика Михалыча, по ночам открывавшего засов спецпакгауза. И самое главное — этой фамилии не оказалось в блокноте, куда Ситников в салоне казенной «Волги» под страхом расстрельной статьи вписывал свою милицейскую агентуру.

Я отложил ордер в сторону. Рука потянулась к чистому рапорту, но я остановился. Интуиция, выработанная за месяцы работы в Комитете, подсказывала: эту фамилию нельзя сейчас отдавать в общую канцелярскую опись. Если влить ордер Воропаева в четыре тома «Металлистов», завтра утром он уйдет к прокурорским следователям, растворится среди сотен накладных на строительный бой и будет похоронен вместе с финскими счетами Реброва.

Я поднялся из-за стола, накинул шинель и подошел к тумбе с черным городским аппаратом. Было уже без двадцати одиннадцать вечера. Пальцы нащупали холодный эбонитовый диск.

Номер Жукова отозвался длинными, глухими гудками. Трубку на том конце подняли только после шестого звонка. В мембране послышался сонный, хриплый голос капитана, перебиваемый надсадным кашлем курильщика.

— Алло. Кто говорит?

— Виталий Леонидович, это Громов, — негромко сказал я, прикрывая трубку ладонью от пустых стен кабинета. — Извините, что домой. Вопрос срочный.

В трубке послышался шорох зажигалки, затем капитан шумно выпустил дым:

— Ты с ума сошел, старлей? Из кабинета по городскому проводу звонишь. Мало тебе закрытой сети? Что стряслось?

— Мне нужна одна справка, — ответил я, игнорируя раздражение в его голосе. — Фамилия Воропаев вам что-нибудь говорит? Илья Семенович.

На том конце провода повисла тяжелая, вязкая пауза. Слышно было, как на кухне у Жукова капает вода из незакрытого крана и как потрескивает табак в папиросе. Когда капитан заговорил снова, его голос звучал подчеркнуто ровно, почти равнодушно — с той фальшивой ленцой, за которой оперативники обычно прячут внутреннюю настороженность.

— Воропаев?.. Мало ли Воропаевых по городу бегает. На свинцовом заводе начальник транспортного цеха был с такой фамилией, еще в горкоме какой-то инструктор сидел. Почему спрашиваешь?

— Он снял шестьдесят четыре тысячи со счета Лапшина, — сказал я прямо. — Лично. По паспорту, в Лениногорске. Дата совпадает с отправкой первой партии тантала на Челябинск. В материалах «Металлистов» его нет.

Жуков снова замолчал. Пауза длилась так долго, что я успел подумать, будто связь оборвалась на городской станции. Но затем в трубке раздался тяжелый, прерывистый вздох.

— Твою мать, Громов... Ну откуда ты его выкопал?

— Значит, знаете? — зацепился я.

— Знал бы — не спал бы спокойно, — зло бросил капитан. Голос его стал глухим, наждачным. — Был этот деятель в оперативных материалах. Давно. Еще при прежнем руководстве Управления, году в восемьдесят седьмом. Только фамилия у него тогда была совсем другая. И занимался он ровно тем же самым — качал редкоземельные металлы с Ульбы под видом технологических потерь.

— Как его звали?

— Не по телефону, Алексей, — жестко оборвал Жуков. — И упаси тебя бог вписать этот ордер в опись для следственного отдела. До утра положи бумагу к себе в сейф. Ни Зимину, ни дежурному — никому ни слова. Завтра ровно в восемь утра я буду в управлении. Принесу одну папку из оперативного архива. Сам все увидишь.

Трубка на том конце с сухим стуком опустилась на рычаги.

В восемь утра город за окном тонул в плотном, едком сернистом тумане, сквозь который фары редких служебных автобусов пробивались мутными желтыми пятнами. В кабинете было по-прежнему холодно. Я сидел за столом, положив перед собой злополучный банковский ордер с подписью Воропаева, когда дверь распахнулась.

Жуков вошел быстро, не здороваясь, и сразу защелкнул английский замок на двери. Лицо капитана было серым, небритые щеки казались ввалившимися, а под мышкой он нес старую, истертую до дыр картонную папку с выцветшими матерчатыми завязками. На корешке химическим карандашом стоял архивный шифр 1987 года и выцветший штамп «Литерное дело».

Капитан подошел к столу, сдвинул в сторону пустые чайные стаканы и бросил ношу перед моим носом.

— Смотри, инженер. Только быстро. Пока коридоры пустые.

Я развязал тесемки. Внутри лежало с десяток пожелтевших машинописных листов на ломкой бумаге. Сверху — анкета специальной проверки сотрудника закрытого цеха Усть-Каменогорского металлургического завода. С черно-белой фотографии на меня смотрел мужчина лет сорока: гладко зачесанные назад темные волосы, тонкие губы, тяжелый, прямой взгляд человека с высшим техническим образованием.

В графе «Фамилия, имя, отчество» значилось: Шестаков Илья Семенович. 1948 года рождения, уроженец Свердловска, кандидат технических наук, ведущий специалист отдела редких и рассеянных элементов.

— Читай протокол, — Жуков ткнул прокуренным ногтем во второй документ.

Я перевернул страницу. В восемьдесят седьмом году Шестаков проходил по делу о недостаче двухсот килограммов гидрооксида тантала в третьем цехе. Схема была до боли знакомой: завышение норм технологического угара при восстановительной плавке, фиктивные акты списания шлама и вывоз концентрата за периметр завода в бочках из-под машинного масла.

Но меня интересовало не описание кражи. Я перевел взгляд в нижний правый угол объяснительной записки, написанной рукой Шестакова, и положил рядом вчерашний банковский ордер кооператива «Импульс».

Два документа легли вплотную под свет лампы.

Подписи совпали до микрона.

Тот же самый резкий вертикальный наклон в начале росчерка, словно удар зубила по металлу. Та же широкая петля в середине, плавно переходящая в горизонтальный хвост с глубоким нажимом на конце. Человек мог получить новый паспорт, сменить фамилию, женившись на чужой вдове, или купить чистый бланк в паспортном столе за три тысячи рублей. Но моторику руки, выработанную за двадцать лет подписывания чертежей и формуляров строгой отчетности, изменить было невозможно.

Воропаев и Шестаков были одним лицом.

Я поднял глаза на Жукова. Капитан стоял напротив, сунув руки в карманы брюк, и тяжело смотрел на раскрытую папку. В его взгляде не было профессионального азарта. Там читалась лишь глухая, въевшаяся в кости горечь старого солдата, который снова видит перед собой минное поле, на котором уже однажды подорвался.

— Шестаков... — негромко произнес я. — Он сменил фамилию три года назад. И остался в обойме. Только теперь не сам бочки через проходную катит, а принимает безнал от Лапшина.

— Хуже, — Жуков наклонился к столу, понизив голос до свистящего шепота. — Дело восемьдесят седьмого года не дошло до суда. Посмотри последнюю страницу. Постановление о прекращении производства.

Я перевернул листы. В конце дела лежал бланк на бледной синей копирке: «Уголовное дело номер сорок один прекратить за отсутствием состава преступления. Материалы сдать в архив». И круглая гербовая печать.

— Почему прекратили? — спросил я, чувствуя, как внутри натягивается холодная пружина. — Тут же доказательная база железная. Образцы металла, показания водителей, тайник в гараже...

— Потому что из Москвы позвонили, — отрезал Жуков, и челюсти его сжались так, что на висках вздулись синие жилы. — Лично из следственного управления КГБ Союза. Сказали: Шестаков ведет закрытую тему по заданию министерства, трогать его запрещено категорически. Все вещдоки вернуть на завод, расписки уничтожить, оперативную группу распустить. Нам тогда рот заткнули так, что мы пикнуть не посмели. А через полгода Шестаков уволился с комбината, растворился, и вот теперь выплыл в Лениногорске. С новым паспортом, под фамилией Воропаев. И снова сидит на миллионных проводках.

Дверная ручка дернулась. Раздался резкий щелчок замка — кто-то снаружи настойчиво нажал на планку. Через секунду в дверь сухо и требовательно постучали.

Жуков среагировал мгновенно: сгреб архивную папку со стола, но спрятать ее не успел. Ключ в замке повернулся снаружи своим оборотом — у руководства отдела были дубликаты от всех кабинетов.

На пороге стоял подполковник Зимин.

Начальник отдела был при полном параде: выглаженный серый китель, плотно затянутый галстук, в руке — папка из тисненой кожи для доклада генералу. Его цепкий, холодный взгляд за долю секунды оценил обстановку: запертую изнутри дверь, нервную позу Жукова, стоящего посреди комнаты с пыльной серой папкой в руках, и меня, застывшего у стола над банковскими ордерами.

— Что здесь происходит? — голос Зимина прозвучал сухо, без крика, но от этого тона в комнате стало еще холоднее. — Почему заперто? Жуков, что это у тебя в руках?

Подполковник шагнул в кабинет, не снимая кожаных перчаток, и остановился в двух шагах от капитана, буравя взглядом выцветшую картонную обложку.

— Докладывайте. Почему материалы не в канцелярии? Прокурорская группа полчаса ждет внизу. Что за бумаги?

Жуков не отвел взгляда. Он медленно опустил папку на край стола, прикрыв ее широкой ладонью, и выпрямился, принимая служебную стойку.

— Моя личная инициатива, товарищ подполковник, — глухо, раздельно произнес капитан. — Поднял старое отказное дело по третьему цеху УМЗ за восемьдесят седьмой год. Сверял технологические схемы хищений. Хотел проверить, не использовал ли Лапшин старые наработки по списанию шлама.

Зимин прищурился. В морщинах вокруг его рта залегла тяжелая, неприязненная складка. Он подошел к столу вплотную, скользнул взглядом по корешку папки с архивным шифром, затем перевел тяжелый, давящий взор на меня.

— Личная инициатива, значит? — подполковник медленно стянул перчатку с правой руки. — В восемь утра, за закрытыми дверями, пока следственный отдел с ног сбивается в ожидании описи? Вы кого за дурака держите, капитан? Вы оба?

В комнате повисла вязкая, опасная тишина. Было слышно, как в коридоре гулко хлопают двери и звучат торопливые шаги офицеров.

Зимин протянул руку к архивной папке, но Жуков не убрал ладони с картона. Секунду их взгляды скрестились, как два клинка. Подполковник не стал применять силу. Он медленно отдернул руку, застегнул пуговицу на манжете кителя и сделал шаг назад к выходу.

— Запомни, Жуков, — негромко, чеканя каждый слог, произнес Зимин. — Самодеятельности в моем отделе не будет. Дело «Металлисты» закрыто на уровне Реброва и передается следствию в том объеме, который утвердил генерал Тургумбаев. Все лишние бумаги... любые старые грехи, которые вам вздумалось вытащить на свет божий, — останутся там, где они лежали.

Он взялся за дверную ручку, обернулся и бросил через плечо:

— Через десять минут опись должна лежать в спецканцелярии. А с тобой, Виталий, мы поговорим отдельно. После совещания у генерала. На ковре.

Дверь захлопнулась. Шаги начальника отдела удалились по паркету коридора и затихли у лестничного пролета.

Я стоял неподвижно, чувствуя, как в груди закипает глухая, злая ярость. Все расчеты, вся логика расследования, которой меня учили на комбинате и в Высшей школе КГБ, летели к чертям собачьим.

Я повернулся к Жукову, шагнув к нему через разделявший нас стол:

— Зачем вы соврали Зимину?

Капитан не ответил сразу. Он подошел к окну, достал из пачки папиросу, чиркнул спичкой и жадно затянулся, пуская сизый дым в форточку.

— Зачем? — повторил я, повысив голос. — Если Шестаков — связной... если он сидит на обналичивание денег Лапшина и прямо сейчас находится в Лениногорске, его надо брать! Брать санкцию, поднимать группу и блокировать счета! Это же прямая нить к тем, кто санк-

ционировал вывоз тантала! Почему вы спрятали папку? Надо идти к генералу! Прямо сейчас, через голову Зимина!

Жуков резко повернулся. Лицо его перекосило от бешенства, в глазах вспыхнул темный, недобрый огонь.

— К генералу?! — прошипел капитан, шагнув ко мне вплотную и обдав едким табачным перегаром. — К какому генералу, сопляк?! К Тургумбаеву, который вчера своими руками запер в сейф финский контракт Долинского?! Ты что, до сих пор не понял, во что мы вляпались?!

Он шлепнул ладонью по архивной папке так, что взметнулась пыль:

— Ты меня спрашиваешь, почему я соврал?! А я тебе скажу! В восемьдесят седьмом я был таким же ретивым бараном, как ты! Я Шестакова за жабры взял прямо на складе, у меня в сейфе лежало три килограмма танталового порошка с его пальцами! Я орал начальнику управления, что доведу дело до расстрельной статьи, что раскрою воровскую шайку в главке! И знаешь, что произошло дальше?

Капитан скривил губы в страшной, мучительной усмешке:

— Мне позвонил человек из Москвы. Ласково так спросил: «Капитан Жуков, у вас дочка в первый класс пошла? Супруга в поликлинике работает? Не надо ломать судьбу семье, капитан. Закройте производство, сдайте в архив и забудьте эту фамилию навсегда. Родина вам спасибо скажет». И я закрыл. Я смалодушничал, проглотил эту дрянь, подписал постановление о прекращении и положил папку под сукно. Я пять лет с этой гнилью в душе живу! Каждое утро в зеркало смотрю и плюнуть хочется!

Жуков тяжело перевел дыхание, бросил окурок в пустую консервную банку на подоконнике и оперся руками о батарею, опустив голову.

— Я думал — время было такое, система давила, приказ партии... — глухо заговорил он, глядя в пол. — А теперь смотрю на твой банковский ордер и понимаю: ничего не изменилось. Только аппетиты выросли. Тогда Шестаков воровал килограммами, а теперь крадет эшелонами. И если мы сейчас положим эту папку на стол Тургумбаеву или Зимину — нас не просто пошлют подальше. Нас сотрут в порошок. Шестакова предупредят через полчаса, он сядет на поезд до Москвы или уйдет через границу, а нас с тобой сделают крайними за развал оперативной разработки.

Он поднял голову. В его красных, воспаленных глазах стояла такая безысходная, загнанная пустота, от которой перехватывало дыхание:

— Я не хочу повторять эту ошибку, Алексей. Не хочу снова своими руками закрывать дело на этого ублюдка. Но и наверх я с этим не пойду. Потому что там, наверху, сидят те же самые люди, которые пять лет назад снимали трубку и спасали Шестакова от тюрьмы. Кому ты верить собрался в этой цепочке? Зимину? Тургумбаеву? Министрам в Алма-Ате? Скажи мне, инженер, кто из них не продал эту страну с потрохами? Назови хоть одно имя!

Я стоял напротив него, сжимая в пальцах желтый банковский чек.

Мне нечего было ему ответить.

Техническая логика расследования, которой я так гордился, разбилась о чугунный тупик реальности. Система не просто дала сбой — она сама породила этот механизм расхищения, сама расставила предохранители, и сама охраняла воров от тех, кто должен был их ловить. Мы с Жуковым стояли в холодном кабинете, держа в руках обрывки чужих преступлений, и между нами впервые пролегла трещина — глубокая, невидимая черта между долгом офицера и пониманием того, что государству, которому мы присягали, наша правда больше не нужна.

— Забирай опись, — тихо, не глядя мне в глаза, сказал капитан, пряча архивную папку Шестакова во внутренний карман шинели. — Сдавай материалы прокурорским. Без этого чека. Делай, что приказано. А с Воропаевым... с Воропаевым мы разберемся сами. Если доживем до понедельника.